

Александр Вельтман

Не дом, а игрушечка

Александр Вельтман
Не дом, а игрушечка

«Public Domain»

1850

Вельтман А. Ф.

Не дом, а игрушечка / А. Ф. Вельтман — «Public Domain», 1850

«Не дом, а игрушечка!» – последняя повесть Вельтмана. В ней соединились основные темы писателя: судьба простосердечных молодых людей, неподготовленных к жизни, и жизнь вельможи. Привлекательны Сашенька и Порфирий, случайно оказавшиеся вместе, нелепо расставшиеся и с трудом нашедшие друг друга. Автор вводит в число персонажей А. С. Пушкина и его доброго друга П. В. Нащокина. Вторая часть повести посвящена истории знаменитого «домика Нащокина», излагаемой в комическом плане. Вельтман был свидетелем изготовления домика и решил «логически» объяснить в повести смысл его создания: «оказалось», что уютная квартирка потребовалась для домового.

© Вельтман А. Ф., 1850

© Public Domain, 1850

Содержание

I	5
II	8
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Вельтман

Не дом, а игрушечка

I

Мы, люди, вообще многого не знаем, многого не видим, что около нас делается, не ведаем всего, что на свете есть и чего нет. Такова, верно, природа людей; в этом-то, может быть, и заключается сущность вела: видеть и в то же время не видеть, знать и в то же время не знать. Например, все знают, что Москва сгорела во время нашествия французов; а кто знает, что сгорело в ней кроме домов и кроме имущества жителей? Москва отстроилась напоказ, на славу, стала великолепнее и в то же время грустнее, скучнее, – точно как будто внутренний свет, эта беззаботная веселость духа вылилась наружу и оставила сердце в потемках. – Что ему там делать? – Сидит себе ни гугу. Отчего это? – Оттого, что кроме зданий и имущества погорели в Москве старинные домовые.

Как это ни странно кажется теперь, но в старину было правдой. Старинный дедушка-домовой был не призрак, не привидение, не гороховое пугало, а вот что: как говорится, во время оно каждый родоначальник, укореняясь на новоселье, с каждым новым поколением принимал почетные звания отца, деда, прадеда, прапрадеда, все жил да жил и рос в землю; год от году все меньше и меньше и наконец хоть снова в колыбельку. Дадут ему с ложечки молочка, он и заснет спокойно; а вся семья ходит на цыпочках, чтоб не потревожить дедушкина дедушку. Достигнув до возраста семимесячного ребеночка, дедушка, проснувшись в последний раз, среди белого дня говорил: «Детушки, и на печке стало мне холодно, оденьте-ка меня в белый балахончик, окутайте да уложите в печурочку. Я сосну, а вы себе живите да поживайте, не заботьтесь обо мне, а поминать поминайте: пищи мне не нужно, только в сорочки блинков напеките да крещенской водицы поставьте. Белого дня мне уже не вынести, а придет иное время – проснусь в ночь, посмотрю, сладок ли сон ваш. Мирно все будет, и я буду мирен; а как постучу, так смотрите, оглядывайтесь, помните, что дедушка стучит не даром. Ну, вот вам последнее слово: держите совет и любовь».

Боясь дедушки-домового, все от старого до малого свято исполняли его последнее слово. Им в семье хранился мир: жили к старшим послушно, с равными дружно, с младшими строго и милостиво. Ладно и весело на сердце. А чуть что не так, дедушка стукнет, все смолкнут, оглянутся – дедушка, дескать, стучит не даром. Стерегись.

Бывало, деревянный дом, а стоит-стоит – и веку нет; стены напитаются человеческим духом, окаменеют; вся крыша прорастет мохом – гниль не берет.

То были времена, а теперь другие: и теперь есть домовый – да внутри нас; тоже заголосит подчас, да про глухого тетерева.

Вот в чем беда.

До нашествия французов много было еще таких домов, со старинными домовыми, а после того, сколько мне, по крайней мере, известно, только два, по соседству, рядышком.

Старинные дома были как-то не то, что теперешние. Старинные дома были гораздо хуже, и сравнения нет, да в старинных домах были такие теплые углы, такие ловкие, удобные, насыженные места, что сядешь – и не хочется встать. Про печки и говорить нечего: печки были как избушки на курьих ножках, с припечками, с печурками, с лежанками; и на печке, и за печкой, и под печкой – везде житье, а теплынь-теплынь какая! И домовому был уют.

То были времена, а теперь другие. Бывало, все в полночь спит мертвым сном. Не спалось, бывало, только тому, чей день был грешен. Зато он и наберется страху от грозы домового, заклянется от греха: век, говорит, не буду! И теперь тоже говорят: век не буду, да по пословице

– «день мой, век мой» – с, наступлением зари нового века принимаются за старые грехи, а пугнуть некому: старинных домовых нет, и внутренний голос осип.

Один из старинных, упомянутых нами домиков, в которых водились еще дедушки-домовые, принадлежал одной старушке.

Это было чудо, не просто старушка, а молодая старушка; зато дедушка-домовой и лелеял ее сон, ходил на цыпочках и, как домовый «Чуровой долины», вместо обычной возни наигрывал на гусях и распевал любовные песни. Дедушка в самом деле был влюблен в нее, как домовый «Чуровой долины» в княжну Зорю.

И был прав: при неизменчивости душевной красоты и наружная не вянет, по крайней мере в памяти. У старушки неизменны были и ангельская улыбка, и приятный взор. Морщинки как будто еще украшали ее личико; недостаток зубков как будто придавал нежность речам: ведь выпадают, же у детей молочные зубы, и это нисколько их не портит; а добрая старость тоже младенчество.

У старушки был внучек Порфирий. Она так любила его, нежила и берегла, что даже в комнате для предостережения от простуды он ходил в чепчике и грудка его сверх курточки обвязана была большим платком. Так как по старому обычаю молодой человек лет до 20 считался ребенком, то и старушка смотрела на внука своего, как на дитя, хотя ему было уже около 18 лет. Он в самом деле был премилый ребенок, и, когда летом сидел в мезонине у открытого окна, в чепчике и бабушкином платке, чтоб не пахнул ветерок на грудку, проходящие и проезжающие современные юноши заглядывались на него, воображая, что это сидит в тереме красная девушка. Не хуже красной девушки он потуплял глаза свои от нескромных взоров.

Старинный дом по соседству был как родной брат дому старушки и также с мезонином, которого боковое окно обращалось к соседу; но стекла от времени сделались перламутровыми.

Соседский дом принадлежал старичку, больному, дряхлому, мнительному и капризному и от лет и от бед, которые он перенес в жизни. У него оставалось одно утешение – внучка Сашенька, ребенок-душка, каких мало. При Сашеньке была старая няня, а при самом старичке старый Борис, дряхлее своего господина, который по ночам, во время бессонницы, заговаривался уже с домовым.

В продолжение дня старик сидел в глубоких креслах, обложенный подушками, тяжело дышал от удушья и, посматривая на внучку, которая играла подле него куколками из тряпочек, все бормотал что-то про себя. Иногда и разговорится: няня свернет Сашеньке новую куколку, внучка подбежит к дедушке и похвастается своей куколкой: «Дедушка, куколка!»

– А! куколка? – скажет старик. – Хорошо... вот постой... я куплю тебе настоящую куклу...

– Да только все обещает дедушка, – отвечает вместо Сашеньки няня.

– А вот... будет хорошая погода... так мы и поедem в город... – скажет старик, посматривая в окно сквозь тусклые стекла летних и зимних рам. – Видишь, какая пасмурная погода...

– Бог с вами, какая пасмурная, – скажет няня, – если уж эта пасмурная, так светлой-то нам и не дожидаться.

– Сырость в воздухе, – проговорит старик, – это я чувствую по себе... так и душит...

Во время ночей старик мается на постели и также все бормочет:

– Совсем сна нет... вить уж скоро, чай, заутреня? Заутрени скоро!..

О-хо-хо!

– Ого, – ответит домовой, повернувшись за печкой с боку на бок.

– Смотри пожалуй... где это стучат? Чу, стучит... а?

– Ага! – отзовется домовой.

Старик начнет прислушиваться, потом кликнет сонного Бориса и спросит:

– Где это стучит?

– Нигде не стучит.

– Что-о?

– Нигде не стучит, – крикнет Борис на ухо.

– Что ж эхо... в голове, стало быть, стучит?..

И старик снова начинает прислушиваться, где стучит: в голове или вне головы. А Борис, уходя, бормочет себе под нос: стучит! Черт, домовый стучит, прости господи! Ляжет, а домовый и начнет его душить за ложь и брань.

II

Так проходили годы. Сашенька подрастала, старик дряхлел и час от часу становился мнительнее и боязливее за внучку. Соблазн ему представился во всем ужасе. Припоминая свою храбрую молодость, он знал, что девушка в 15 лет как кудель: стоит только бросить огненный взор – и загорелась. Не доверяя и глазу старой няни, он без себя не стал отпускать Сашеньку даже в церковь. Напрасно няня представляла ему, что это великий грех. – Когда ж вы соберетесь-то сами? – говорила она ему.

– А вот... погода будет лучше... поедет в соборы... в соборы поедем... покуда дома помолится... все равно...

– Нет, не все равно! грех!

– Ну, ну, ну, ты дура... По-вашему, не грех женихов выглядывать!..

– Что ж такое? А по-вашему как? По-нашему, дай бы бог, чтобы нашелся женишок Александре Васильевне, – отвечала няня с сердцем.

Старик пришел в ужас.

– Молчи!.. дура!.. Я прогоню тебя! – вскричал он. – Видишь, что говорит!.. научит еще ребенка под окном сидеть, напоказ!.. окон на улицу у меня ни под каким видом не отворять!.. слышишь? а не то заколочу! Я тебя заколочу и окна заколочу!

– Слава тебе господи, дослужилась до доброго слова! – проговорила няня, залившись слезами.

Тревожное опасение за внучку день ото дня увеличивалось.

Только и думы у старика: как бы скрыть свое сокровище от обаяния какого-нибудь чародея.

«Где-ж усмотришь за девочкой, – думал он, – выглянет на улицу – и беда! Вон, эво, так и шныряют проклятые ястребы – нет ли в окне добычи».

Подозрительный глаз старика так и преследовал всех молодых людей, проходящих по улице. Как на зло ему, большая часть останавливалась, чтоб посмотреть на два старинных домика. В самом деле, после 12-го года они одни красовались посреди пожарища и казались такими завидными для всех погоревших, что, проходя мимо, каждый останавливался и восклицал: «Смотри пожалуй, кругом все обгорело, а эти чертовы избушки стоят себе как будто бы ни в чем не бывало!.. Ей-богу, на удивление!»

Но вскоре все соседство как будто разбогатело после пожара – вместо деревянных домов выстроило себе каменные палаты, и снова все прохожие, вместо умильного взгляда на почтенную древность, восклицали: «Смотри пожалуй, две чертовы избушки втесались между каменных палат! Ей-богу, на удивление!»

Эти остановки проходящих и любопытство взглянуть на обросшие зеленым мохом домики мнительный старик понимал по-своему.

– Ох, эти мне, – бормотал он про себя, – глазом не видят, так чутьем слышат.

Долго придумывая, как бы охранить внучку от соблазна, старик наконец ухитрился.

– Постой, погоди, молодцы, – сказал он, – я вас проведу мимо двора шей хлебать!..

И тотчас же, несмотря ни на горе покорной внучки, ни на слезы и ропот ее няни, приказал обстричь под гребешок прекрасные волосы Сашеньки. Потом велел Борису вынуть из сундука все старое платье и принести к себе.

Притащив груду рухляди, Борис, кряхтя, сложил ее перед стариком и, казалось, начал приподнимать по очереди слежавшиеся дружно тени нескольких поколений огромного некогда семейства. Память о далеком прошедшем ожила перед двумя стариками, но барин думал о своем.

– Тут должна быть курточка Кононушки! – сказал он.

– Где ж тут курточка? – отвечал Борис, перебирая и рассматривая мужские и женские платья прошедшего столетия. – Это не курточка!

– Покажи-ко: какая ж это курточка, это камзол дедушкин...

– Эка, – проговорил Борис со вздохом, – носить бы да еще носить!.. бархат-то! а?.. Это робронт!.. Кажись, покойницы матушки... Дай бог ей царство небесное.

– Покажи-ко. Какая ж это курточка?..

– Какая ж курточка, кто говорит... кафтан-то ваш... а? шитье-то какое!.. Кажись, Пелагея-то Васильевна своими руками вышивала, материал-то! Не то, что теперь!..

– Не матерчатая, а суконная, я тебе говорю!..

– Суконная? Так бы вы и сказали... Какая ж суконная?..

Вот суконный-то ваш мундир весь моль съела...

– Как моль съела? Покажи-ко.

– Словно решето.

– И Кононуяшину курточку-то моль съела?..

– А бог ее знает: вот ведь тут ее, нету... Разве в другом сундуке.

После долгих поисков курточка была найдена. Старик обрадовался, призвал Сашеньку и велел ей надеть, а на шейку повязать платочек.

– Для чего же это, бабушка? – спросила она.

– Для чего! Ты у меня будешь амазонка... Посмотришь-ко в зеркало... хорошо? Ты у меня будешь амазонка...

– Да что ж это, для чего ж это, сударь, нарядили так барышню-то?

– А для того, что я так хочу. Ты, дура, не знаешь ничего, так и молчи. Немножко широка... сошьем новенькую, поуже, к празднику... так и ходи. Ты у меня будешь амазонка, в амазонском платье.

– Вы говорили, бабушка, что в амазонском платье верхом ездят... Помните, проехали верхом какие-то дамы?.. Вы будете меня учить верхом ездить?

– Верхом!.. Видишь ты какая!.. погоди... вот подрастешь, лет через десяток... а теперь и так хорошо... и под окошко сядешь... не простудишься... а то грудь и шея открытые... не годится...

Распорядившись таким образом, старик успокоился, рад выдумке. Сядет подле окна, посадит подле себя внучку и насмеется в душе над проходящею молодежью.

– Да, смотрите, смотрите!.. Каков у меня внучек? Хорош мальчик? а?.. Что ж не смотрите? Это, верно, не девочка? Такой же небось юбоншик, как вы?.. Да! как же, так и есть!.. Нет! милости просим мимо двора щей хлебать!..

III

Заколдованная дедушкой от всех глаз, Которые ищут предметов любви, долго Сашенька была еще беспечным ребенком, которого занимали сказки няни, птички, цветы и даже порхающая бабочка в садике. Но вдруг что-то стало грустно ей на сердце, чего-то ей как будто недостает, время от утра до вечера что-то тянется Слишком долго: сидеть с дедушкой скучно, рассказы няни надоели, все бы сидела одна у окошечка да смотрела на улицу – нет ли там чего-нибудь повеселее?

– Нянюшка, отчего это мне все скучно? – говорит она няне.

– Отчего же тебе скучно, барышня? – отвечает ей няня.

– Сама не знаю.

– Оттого, верно, тебе скучно, что подружки нет у тебя.

– Подружки? – проговорила Сашенька призадумавшись. – Где ж взять ее, няня?

– А где ж взять? Откуда накличешь?

«Накликать», – подумала Сашенька, когда няня вышла, и она стала накликавать заунывным голосом под напев сказки про Аленушку:

Подруженька, голубушка,
Душа моя, поди ко мне;
Тоска-печаль томят меня.

Вдруг показалось ей, что голос ее как будто отзывается где-то. Она прислушалась: точно, кто-то напевает в соседском доме.

Сашенька приотворила боковое окно, взглянула, вспыхнула, сердце так и заколотило.

– Ах, какая хорошенькая! – проговорила сама себе Сашенька. – Вот бы мне подружка!

И долго-долго смотрела она стыдливо сквозь приотворенное окно на Порфирия, который также разгорелся, устремив на нее взоры, и думал: «Ах, какой славный мальчик! вот бы нам вместе играть!»

«Я поклонюсь ей», – подумала Сашенька, но вошла няня, и, как будто боясь открыть ей свою находку подружки, захлопнула окно.

На дворе стало смеркаться, а няня сидит себе да вяжет чулок.

Так и вечер прошел. Легли спать; а Сашеньке не спится, ждет не дождется утра.

Настало утро. Надо умыться, богу помолиться, идти к дедушке поздороваться, пить с ним чай, слушать его рассказы, а на душе тоска смертная.

– Не хочется, дедушка, чаю.

– Куда же ты? Сиди.

Ах, горе какое! – Сашенька с места, а дедушка опять:

– Куда ж ты?

– Сейчас приду, дедушка.

Сашенька наверх, в свою комнату, а там няня вяжет чулок.

Так и прошло время до обеда; а тут обед. А дедушка кушает медленно, а после обеда, покуда заснет – сиди, не ходи.

Господи! Что это за мука!

Но вот дедушка уснул. Няня вышла посидеть со старым Борисом за ворота. Сашенька одна; приотворила тихонько окно, тихонько запела: «Подруженька, голубушка», но никто не отзовется, в соседском доме окно закрыто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.